

А. В. Россохин

ИССЛЕДОВАНИЯ РЕФЛЕКСИИ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ В ПСИХОАНАЛИЗЕ (ЧАСТЬ 2)

Психоанализ предоставляет уникальный эмпирический материал для исследования динамики личностной рефлексии в измененных состояниях сознания (ИСС) и ее влияния на различные аспекты жизнедеятельности личности. В первой части статьи*, посвященной трансферентным и контртрансферентным ИСС, было показано, что по мере углубления ИСС в ходе психоаналитического процесса происходит активизация и качественное преобразование рефлексивных процессов личности, что приводит к формированию активного «рефлексирующего Я». В данной (второй) части статьи детально анализируется рефлексивная активность личности в контртрансферентных и совместных трансферентно-контртрансферентных ИСС.

Ключевые слова: личность, рефлексия, психоанализ, измененные состояния сознания, психоаналитический процесс, перенос, контрперенос, регрессия.

Psychoanalysis presents unique empirical material for the research of the dynamics of personality reflection in altered states of consciousness and its impact on different aspects of vital activity of the personality. Transference and countertransference altered states of consciousness were in focus of interest of the first part of the article. It was shown that as altered states of consciousness become deeper during the psychoanalytical process the reflexive processes of a personality enhance, become more active and change qualitatively, which is expressed in particular in the formation of the active «reflexive I». Reflexive activity of the personality in countertransference and combined transference-countertransference altered states of consciousness was analyzed in this second part of the article.

Key words: personality, reflection, psychoanalysis, altered states of consciousness, psychoanalytical process, transference, counter-transference, regression.

Рефлексия контртрансферентных измененных состояний сознания (окончание)

В современной психоаналитической технике фокус рефлексии аналитика в *измененном состоянии сознания* (ИСС) должен быть в равной степени направлен на осознание своих эмоциональных реакций как возможных проявлений собственных бессознательных конфликтов

Россохин Андрей Владимирович — докт. психол. наук, ст. науч. сотр. кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ. E-mail: rossokhin@mail.ru

* См.: Россохин А.В. Рефлексия измененных состояний сознания в психоанализе (часть 1) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 3. С. 88—104.

(контрпереноса как переноса на субъекта) и на анализ контрпереноса (в смысле реакций аналитика на перенос субъекта) как важнейшего инструмента для исследования переноса, «бессознательного настоящего» и взаимоотношений аналитика и субъекта в совместных ИСС.

Наиболее последовательную и аргументированную картину различных опасностей и злоупотреблений, связанных с новыми акцентами в аналитической работе, рисует К. Грэй (Gray, 1986). Он обращает внимание на то, что использование аналитиком осознания контрпереноса с целью интуитивно нащупать бессознательные мотивации субъекта в ИСС часто превращается в интерпретацию, направленную на психический материал, представленный в переносе. Эта интерпретация, по Грэй, имеет отношение к внушению, так как она обходит защиты, выстроенные Эго. Такая аналитическая работа, как правило, на деле *пренебрегает рефлексией*, анализом и интерпретацией сопротивлений субъекта, проникая в глубь материала без их последовательной рефлексивной проработки. Грэй считает, что возможность проникновения в субъекта посредством обхода его защит создает для аналитика постоянное искушение — бессознательное желание активизации контрпереноса в ИСС, связанного с ощущениями власти и всемогущества (что может доставлять большое удовольствие аналитику). Грэй утверждает, что такая работа, использующая контрперенос для проникновения сквозь защиты и сопротивления субъекта, может быть эффективной для усиления *трансферентных ИСС* (Т-ИСС) и трансферентной игры, но при этом может привести к значительному ослаблению рефлексивного Эго субъекта, формированию у него определенной Эго-пассивности в ИСС, усилению зависимости от переноса и соответственно от аналитика, который будет представляться все понимающим и всемогущим. Говорить о каких-либо структурных изменениях в личности субъекта, согласно Грэй, в такой ситуации не приходится (Gray, 1986; White, 1992).

Технические принципы аналитической работы самого Грэя основываются на фокусе рефлексии в большей мере «внутри», чем «снаружи» аналитической ситуации. Этим фокусом являются самые «поверхностные манифестации сопротивления» субъекта (Gray, 1986). При этом особое внимание Грэй уделяет усилению рефлексивного Эго субъекта в Т-ИСС. Оригинальность подхода Грэя заключается в технических приемах, с помощью которых он решает достаточно традиционные задачи. Грэй выбирает «те элементы в материале, которые могут успешно иллюстрировать субъекту, что когда в процессе аналитического диалога возникает тема, отражающая внутренний конфликт, то это заставляет его невольно и неосознанно реагировать защитным способом» (ibid, p. 253). Материал, который будет прорабатываться, выбирается Грэем в соответствии с возможностью его *использования для «эффективной иллюстрации» рефлексирующему в ИСС Эго субъекта.*

Конечный результат этого небольшого фрагмента аналитической работы должен состоять в том, что субъект сможет наблюдать и понимать нечто новое, что аналитик только что передал ему, не прибегая к дополнительным защитным мерам (Levy, Inderbitzin, 1990, p. 379). Грэй верит, что подобные инсайты, накапливаемые в процессе анализа, *рост способности к рефлексии и пониманию* вследствие интерпретации характерных защитных стереотипов усиливают личность субъекта и ведут к постепенно возрастающему осознанию им инфантильной продукции собственных ИСС (White, 1992).

С тем или иным пониманием проблемы Т-ИСС прямо связано соответствующее описание требуемой аналитической позиции, объединяющей такие аспекты техники, как нейтральность, абстиненция и анонимность. Следуя А. Фрейд, рассуждавшей в логике психологии одной персоны, аналитик должен был стараться *в равной степени рефлексировать бессознательные манифестации различных психических структур* и в ходе анализа и интерпретации способствовать осознанию субъектом их участия в интрапсихическом конфликте, разворачивающемся в ИСС. Подход, основывающийся на психологии двух персон, рассматривает нейтральность аналитика через призму отношений в аналитической диаде. Понимание нейтральности с этих позиций значительно отличается от классической концепции нейтральности А. Фрейда, считавшей отношения между аналитиком и субъектом побочным эффектом аналитического процесса. По мнению Н. Треурниста (Treurniet, 1993), выведение А. Фрейда аналитических отношений и «помощи в развитии» за скобки истинного психоанализа приводит к ограниченному определению аналитической техники, и в частности к ограниченному пониманию принципа нейтральности. Р. Уайт конкретизирует это, замечая, что отстраненная, безэмоциональная и невовлеченная позиция аналитика с большей вероятностью будет усиливать сопротивление переносу, чем способствовать развитию Т-ИСС (White, 1992, p. 341). Используя формулировки Х. Левальда (Loewald, 1960), Уайт утверждает, что «в тонком (и совсем тонком) смысле, аналитик постоянно втягивается в трансферентные ИСС субъекта и выходит из них. Аналитик участвует в игре и испытывает как дезинтегрирующие, так и интегрирующие взаимодействия с субъектом... Он отличается от субъекта только обладанием лучшего контроля и пониманием своего собственного переноса» (White, 1992, p. 347). Это отличие аналитика от субъекта обуславливается, на наш взгляд, наличием и активностью у него рефлексивного аналитического Эго — основного фактора, определяющего (наряду с описанными Уайтом двумя видами взаимодействующих друг с другом «давлений») аналитическую позицию, гарантирующую устойчивость сознательного «Я» в ИСС.

Нам представляется, что решающее различие между аналитиком и субъектом состоит в наличии у первого особой рефлексивной способ-

ности — способности к аналитическому расщеплению на свободное от конфликтов рефлексивное аналитическое Эго и Эго, метафорически описываемое К. Болласом как «другой пациент» в аналитическом кабинете. Это второе Эго аналитика — «другой пациент» — в свою очередь включает в себя эмпатически сопереживающее, регрессирующее вместе с субъектом Эго («эмпатическое Эго») и Эго, подвергающееся воздействию собственных бессознательных конфликтов («контртрансферентное Эго»). Используя эти понятия, можно описать технически нейтральную позицию аналитика как результат сознательного интерактивного взаимодействия рефлексивного аналитического Эго, эмпатического Эго и контртрансферентного Эго аналитика в ИСС.

Такая точка зрения на нейтральность предполагает не только осознание собственного аналитического рабочего Эго, но и *достаточно развитую и активную рефлексивность* как эмпатического Эго, так и контртрансферентного Эго даже в сложных ИСС. В связи с этим приходит в голову аналогия с формированием М. Гиллом активной позиции субъекта в аналитической работе путем интерпретации сопротивления осознанию переноса. Применительно к аналитику ключом к нейтральной позиции становится рефлексивная проработка аналитическим Эго «сопротивления осознанию эмпатических переживаний» и «сопротивления осознанию контрпереноса». Успешная рефлексивная проработка этих сопротивлений в ИСС делает возможным сознательное интерактивное взаимодействие трех определяющих нейтральную аналитическую позицию структурных компонентов — аналитического, эмпатического и контртрансферентного Эго. В случае игнорирования аналитиком подобной рефлексивной проработки неосознаваемое давление со стороны эмпатии и контрпереноса способно, на наш взгляд, значительно ослабить рабочее Эго и вовлечь аналитика в глубокие неосознанные ИСС. Скрытое бессознательное сотрудничество с защитными тенденциями субъекта при этом часто рационализируется «правильным» применением механистично понимаемых технических принципов аналитической работы.

В ходе реальной аналитической работы с субъектами большинство современных аналитиков стараются сохранять по отношению к субъекту динамическую аналитическую позицию, в которой такие психоаналитические инструменты, как фрустрирующее молчание и эмпатическая поддержка, оказываются взаимодополняющими *способами самовыражения рефлексивного Эго аналитика*, направленными на понимание и помощь субъекту, погруженному в ИСС. При всем этом чрезвычайно важно, чтобы оставшиеся после окончания анализа интернализированные объектные отношения аналитик—субъект были не только эффективными в аналитическом смысле, но в первую очередь оставляли человеку, прошедшему анализ, возможность осуществления самостоятельного выбора при реализации своего поведения и не

приводили к сильной, постоянной зависимости от образа аналитика, его поведения и взглядов на жизнь. Обретение собственных корней, достижение относительной независимости, способности строить свою жизнь в соответствии со своими индивидуальными особенностями и способностями — вот те ценности, которые субъект должен открыть и укрепить в себе в процессе обретения инсайтов относительно своего «Я» и его развития и в ходе осознания и *рефлексивного переосмысления скрытых смыслов* своих взаимоотношений с аналитиком. Это, конечно, во многом идеализированное представление о «достаточно хорошем анализе». Но если в аналитическом процессе не удастся дать возможность субъекту *открыть эту индивидуальную рефлексивную силу* и определенную целостность внутри себя, то по окончании даже успешного анализа он может стараться использовать продолжающееся внутреннее взаимодействие с аналитиком в целях сохранения устойчивости, равновесия и способности к развитию, стремясь «питаться» от корней аналитика, иногда даже подменяя осознание своей личности защитной идентификацией с надежным, сильным и адаптированным к реальности трансферентным образом аналитика. Поэтому аналитик должен уделять *особое внимание развитию рефлексии у субъекта и оказанию ему помощи в развитии интегративных функций его Эго*. Эти функции способствуют возрастанию независимости субъекта от аналитика. Развитие у субъекта интегративных функций приближает окончание анализа и постепенно превращает психоаналитический процесс в самоанализ.

Рефлексия совместных трансферентно-контртрансферентных измененных состояний сознания

Обращаясь сейчас к анализу исследований ИСС во французской психоаналитической школе, следует отметить важность для французских авторов концепции аналитического пространства. Психоаналитическое пространство может быть символизировано посредством кушетки. С одной стороны, субъект лежит на кушетке, что способствует развитию особых регрессивных ИСС, которые могут быть описаны в терминах модели первичных взаимоотношений ребенка и матери. Однако, с другой стороны, этот же сеттинг, благоприятствующий нарциссической регрессии, не создает абсолютно свободное пространство без границ и пределов и не только *не устраняет рефлексивную активность субъекта в ИСС, но и способствует ее развитию* и трансформации. Эти границы символически выражаются во временном сеттинге, ограничениях, связанных с основным правилом психоанализа. Это специфически французский путь размышления об аналитическом сеттинге в терминах символической репрезентации, способности ребенка (субъекта) развивать процессы вытеснения, думать, мечтать и выстраивать свой собственный внутренний мир. Подобно тому как

это имеет место между матерью и ребенком, субъект также не является одиноко лежащим на кушетке рядом с абсолютно нейтральным аналитиком. Трансферентно-контртрансферентный процесс происходит между ними обоими и создает *совместные трансферентно-контртрансферентные ИСС* (Т/Кт-ИСС), усложняя различные аспекты рефлексивного взаимодействия между аналитиком и субъектом. Как точно заметила Л. Юртюбей, «аналитические отношения — это феномен, принадлежащий двоим. И если сейчас субъект уже не является объектом наблюдения, то и аналитик также не простое зеркало. Более того, в анализе всегда имеется “третий” — общее пространство на двоих, сотканное из их бессознательных» (Urtubey, 2002, p. 9).

Находясь в ситуации необходимости репрезентировать и отцовский и материнский образы, аналитик, с одной стороны, способствует процессу взаимодействия субъекта с первичными объектами, сопровождающемуся неизбежной аффективной вовлеченностью всех участников. Однако, с другой стороны, он же содействует выходу субъекта из нарциссического регрессивного ИСС, сохраняя связь с третьей стороной, которая устанавливает границы. Поэтому нарциссическая регрессия в ИСС, находящаяся *под контролем рефлексии Я* и являющаяся важнейшей частью общего процесса аналитической работы, возможна до тех пор, пока аналитик репрезентирует родительские образы с позиций рефлексии Сверх-Я. Это означает, что он ставит границы отыгрыванию: Сверх-Я не только запрещает, но также и защищает от опасностей, связанных с нарциссическими регрессивными ИСС, способными приводить к слиянию и деструктивности.

Аналитический процесс — это Т/Кт-ИСС, и они могут быть абсолютно симметричными только в случае полного ролевого отыгрывания. Для понимания процесса психического функционирования субъекта необходимо принимать во внимание то, что непосредственно переживает аналитик в собственных Кт-ИСС, когда он является объектом проективных идентификаций. Э. Кестемберг проводит различие между контрпереносом и контротношением. Контрперенос, с ее точки зрения, является способностью аналитика переживать, испытывать аффекты и связывать их своими психическими репрезентациями, имеющими отношение к психическому функционированию субъекта. Такой контрперенос служит позитивным инструментом аналитической работы. В то же самое время в анализе может возникнуть ситуация, когда субъект проецирует аффекты, аналитик переживает их и развивает соответствующую им реакцию в ИСС. Это и есть контротношение — контрперенос в отрицательном (фрейдовском) смысле. В таком случае работа аналитика состоит в *рефлексивной проработке своего контротношения в ИСС* и попытке ответить на вопрос: почему субъект подталкивает его к подобной реакции? Связывание аффектов субъекта с психическими

репрезентациями позволяет трансформировать контротношение в позитивный контрперенос, служащий целям анализа.

Во французском психоанализе очень важны две модели Т/Кт-ИСС, представленные в работах Ф. Паша и М. де М'Юзана. Паш вносит новый оригинальный смысл в так часто критикуемую фрейдовскую метафору зеркала. Зеркало — *рефлексивная позиция* аналитика в отношении субъекта — не должно быть холодным и очень отдаленным. Пара аналитик—субъект некоторым образом напоминает Персея и Медузу. Персей избежал превращения в камень от ужасного вида Медузы потому, что смотрел не прямо на нее, а только на ее отражение в своем щите. Глядя на ее «психическую репрезентацию», он смог победить. В этом открывается важнейший смысл психоаналитической метафоры зеркала для позиции аналитика — принятие во внимание мира репрезентаций. Это не прямые и непосредственные восприятия в ИСС, которые иногда могут вторгаться и причинять боль обеим сторонам. Здесь мы снова видим трехстороннюю модель и очередное напоминание об асимметричности психоаналитической ситуации, отличии аналитика от субъекта. В модели Паша перенос и его воздействие очень важны, но аналитик должен быть способным, используя «щит Персея», принимать аффективные проекции субъекта без чувства нарциссической раны, не проваливаясь в ИСС, и быть в состоянии продолжать взаимоотношения, чтобы способствовать трансформации аффектов субъекта, их *рефлексивному связыванию* посредством собственных психических репрезентаций и передаче последних субъекту в виде интерпретаций.

Любовь М. де М'Юзана к творчеству помогает ему выйти за пределы дихотомии Я—Другой, субъект—аналитик, субъект—объект, перенос—контрперенос. Опираясь на идеи выдающегося французского философа М. Мерло-Понти (1999), в своей экзистенциальной феноменологии предложившего выйти за пределы противопоставлений субъекта и объекта путем описания того, что располагается между ними, мы можем сказать, что М'Юзан находит нечто глубоко важное, новое и потенциально более целостное между переносом и контрпереносом — по ту сторону их диадного противостояния в индивидуальных ИСС. Это новое предстает перед нами в виде нового организма, который он называет «психологической Химерой» (M'Uzan, 1994). Эта химера символизирует совместное, общее Т/Кт-ИСС, возникающее в психоаналитическом процессе между аналитиком и субъектом. Химера, являющаяся смесью бессознательного обоих участников диады, продуктом, полностью не принадлежащим ни одному ни другому, создается аналитиком во время сеанса посредством «парадоксального способа функционирования», когда он становится периферией сознания субъекта. По меткому выражению Ж. Байе (Bayle, 1996), «химера создается в зонах тени, там, где идентичность ревниво не охраняется. Это место слипания».

Б. Шерве (Chervet, 1998) описывает, как переживаемый субъектом прошлый опыт обновляется в аналитической ситуации, если и сам анализируемый, и его аналитик начинают чувствовать колебания своих Я-идентичностей, ослабляя, но не теряя рефлексивной активности, блокирующей ИСС; ощущать более или менее легкую деперсонализацию; иногда переживать еще более примитивные состояния, когда ребенок мог чувствовать себя как часть Другого. Аналитик во время сеансов стремится исследовать различные проявления психической реальности субъекта — сексуальные, нарциссические, проявления Я-идентичности. Однако, согласно М'Юзану, встретить их, узнать и вступить с ними во взаимодействие для аналитика становится возможным при условии, если он позволит себе самому войти в симметричное колебание идентичности, в общее ИСС, вплоть до состояния инфантильной растерянности, близкой к травматической ситуации, а следовательно, и к опасности. М'Юзан описывает, как два психических аппарата (субъекта и аналитика), стремящихся создать нечто целостное, создают химеру, оживленную особыми процессами, происходящими в парадоксальной системе. Парадоксальной ее делает отчуждение, предложенное в целях получения свободы. Эта система функционирует в ИСС как совместный аппарат для двух психик с точным разделением вкладов каждой стороны: анализируемый предоставляет содержание, аналитик — процессы. В этом общем ИСС функциональные способности аналитика заимствуются анализируемым. Шерве отмечает, что рассматриваемая таким образом функциональная взаимодополняемость аналитика и субъекта показывает ценность идентификационной близости — определенной симметрии между ними. Именно в это первое время (время химеры) интерпретационная работа психоаналитика не направлена на получение рационального знания. Рефлексия субъекта присутствует, но не играет здесь главенствующей роли. Это время глубокого аффективного и интуитивного познания психического функционирования субъекта изнутри совместной химеры, совместного ИСС. Аналитик, дающий интерпретации из химеры ИСС, воспринимается анализируемым как его другое Я. Когда наступает второе время интерпретации, она направляется на *лучшее рефлексивное осмысление и понимание всех аспектов взаимодействия*, происходивших в первое время, в том числе и на интерпретации, осуществленные изнутри химеры ИСС. Это второе время раскрывает фундаментальную диссимметрию между аналитиком и анализируемым.

Дж. Макдугалл (McDougall, 1978) не говорит о химере, но в ее теории примитивной коммуникации эта химера приобретает новые и интересные очертания. Ранние, превербальные травматические нарушения не регистрируются в предсознательном и поэтому недоступны для памяти. Младенцы не способны ни говорить, ни организовывать свои эмоциональные переживания. Чтобы справиться с ними и впо-

следствии назвать их, младенец нуждается в матери. Субъекты, не имеющие подобного положительного опыта, стараются, не рефлексировав этого, заставить аналитика пережить то, что сами они не могут не только осознать, но даже назвать. Примитивная коммуникация в ИСС служит для эвакуации фрагментов первичного аффективного опыта в фундаментальный перенос, цель которого — стирание любых различий между Я и Другим. Если аналитик принимает это, не боясь погрузиться в совместные ИСС, он получает доступ к самым ранним переживаниям субъекта — к «универсальной фантазии в психических переживаниях младенца, где есть только одно тело и только одна психика на двоих» (Макдугалл, 1999, с. 177).

Если Макдугалл описывает химеру ИСС как одно тело и одну психику на двоих, то Ж. Гийомин метафорически видит психоаналитическую ситуацию как сближение двух цефалических (от греч. *kephale* — голова) пространств, двух голов, теряющих свои границы, проникающих друг в друга и в некоторой степени смешивающихся. Их голоса и речь постепенно сливаются и превращаются в нечто единое, понятное только изнутри химеры ИСС (одна голова и два разных тела). Тогда ИСС — это то, что объединяет аналитика и субъекта. Но то, что способствует их разъединению и осмыслению переживаемых психических содержаний, — это аналитическая рефлексия в ИСС.

Как отмечает Ф. Дюпарк, воспринимающую способность аналитика определяет глубина регрессии (глубина ИСС), которой он достиг, будучи субъектом в ходе своего личного анализа, и умение выходить из химеры ИСС без потери идентичности. Согласно М'Юзану, создание химеры на двоих зависит от того, сможет ли аналитик выдержать определенную степень деперсонализации в ИСС. Аналитик любого пола должен уметь переносить «сумасшествие контрпереноса» (первичное материнское сумасшествие), не теряя полностью своих границ в ИСС и оставаясь способным к их быстрому восстановлению. Состояния деперсонализации в ИСС, пережитые будущим аналитиком в качестве субъекта, одновременно с формированием профессионального аналитического свойства — *сохранять в этих ИСС определенную активность своего рефлексивного Я* — будут в конечном счете определять способность аналитика работать в химере ИСС, быть в состоянии переживать подобные моменты потери идентичности уже со своими субъектами.

Различные описания химер ИСС (гибридов «бессознательное—бессознательное») дают представление о тех сложностях, с которыми сталкивается аналитик в своей работе. Совместное с субъектом создание такой химеры на двоих может легко превратиться в «безумие вдвоем». В случае если аналитик, теряя способность к рефлексии в ИСС, полностью утрачивает свои собственные границы в работе с субъектом, химера ИСС может не только разрушить аналитическую работу, но и повредить самому аналитику. Однако подобные *переживания в глубоких*

ИСС, протекающие под контролем рефлексивного аналитического Я, напротив, помогают аналитику лучше понять психическое функционирование своих субъектов и подчеркивают чрезвычайную важность воображения для развития внутреннего мира.

М. Буве подробно описал опыт деперсонализации, который необходимо пережить на кушетке будущему аналитику и впоследствии его субъектам. Это *определенная потеря границ своей личности в ИСС, но под контролем рефлексивного Я*. Аналитический опыт переживания деперсонализации в глубоких ИСС, который, собственно, и представляет собой нарциссическую регрессию под контролем рефлексивного Я, означает слияние с первичным объектом, примитивным имago Матери, в то же время опасным и деструктивным.

А. Грин (Green, 1974) также убежден, что достаточная связь психоаналитика с собственными «бесформенными состояниями» (глубокими ИСС) дает ему возможность улавливать их у субъекта. Работа контрпереноса, которую он должен выполнить, состоит в том, чтобы допустить эти ИСС субъекта и *с помощью аналитической рефлексии трансформировать их* в «пригодную для размышления» форму. Эта работа контрпереноса компенсирует неспособность субъекта проделать такую рефлексивную работу для самого себя. Когда психоаналитик успешно справляется с этой задачей, «то, что ранее переживалось им как беспокойство, трансформируется в чувство удовлетворенности». Бесформенные состояния, согласно Грину, заполнены ощущениями, которые не принимают форму образов или воспоминаний, и здесь недостаточно ограничиться одним только осмыслением, необходимо *мобилизовать все рефлексивные способности* психоаналитика. Только психоаналитик путем придания с помощью аналитической рефлексии внутреннего значения этому «бесформенному» материалу ИСС может трансформировать его в «пригодные для размышления» психические продукты, которые затем он сможет сформулировать в словах-интерпретациях для своего субъекта.

Следуя идеям А. Грина, П. Бошан предполагает, что, когда психоаналитик способен выполнить необходимую работу контрпереноса, трансформируя «бесформенное состояние» в мысль, а затем в интерпретацию, он способствует микроидентификации субъекта с функцией «объекта, который интегрирует диссоциированное» (Boschan, 1987, р. 116). Осуществление подобной задачи, с его точки зрения, накладывает на психоаналитика тяжелую обязанность — быть терпимым в отношении собственных диссоциированных аспектов, контейнировать их, сохраняя контакт с диссоциированными аспектами субъекта и при всем этом проводить активную рефлексивно-аналитическую работу по переосмыслению возникающих психических содержаний. Если эта цель достигнута, то субъекту удастся избежать повторения прежних отношений, и пережитый аналитический опыт обогатит обе стороны.

Французские психоаналитики делают различие между интерпретацией переноса и интерпретацией в переносе. Последняя осуществляется изнутри ситуации переноса-контрпереноса (из химеры ИСС). В этом случае аналитик не обозначает перенос, т.е. не связывает то, что происходит здесь и сейчас, с тем, что происходило в прошлом субъекта. В противном случае подобная интерпретация будет разделять его и субъекта и разрушать совместное ИСС. Если интерпретация рождается в химере ИСС, то неизвестно, откуда она приходит (или от аналитика, или от субъекта), сепарация не происходит и интерпретация будет нести в себе материал, прямо и непосредственно связанный с бессознательным субъекта. Именно такая интерпретация и будет эффективной.

Интерпретация, сконструированная на основе вторичных процессов, может иногда оказаться для субъекта настолько длинной, сложной и многоплановой, что он будет просить аналитика повторить ее, так как для него невозможно не только рефлексивно осмыслить ее, но даже просто запомнить все смыслы, которые она включает. Субъект может не понять ее, потерять или забыть часть смысла, и в результате слова аналитика останутся на поверхности сознания субъекта, несмотря на возможно глубокий аналитический смысл, заключенный в интерпретации. В случае интерпретаций, возникших в химере ИСС, такого произойти не может. В ответ на них субъект может погрузиться в молчание, но не потому, что пытается понять то, что сказал аналитик. Он будет чувствовать удивление и озадаченность, что поможет ему более спонтанно ассоциировать. Именно на получение такого эффекта и направлена «первичная» интерпретация. Мы можем даже сказать, что такая интерпретация приостанавливает работу вторичных процессов у субъекта и открывает дверь свободным ассоциациям и углубляет тем самым ИСС, *способствуя более глубокому контакту рефлексии субъекта с его эмоциональными переживаниями в ИСС*. Это подобно воздействию дзэн-буддийского коана, который невозможно понять, используя только рациональное мышление.

В то же время, если для аналитика единственное значение будет иметь взаимодействие «бессознательное—бессознательное» в глубоких ИСС, может возникнуть опасность, что он будет чрезмерно молчаливым и «отсутствующим» или его интерпретации будут казаться слишком мистическими, подобными скупым репликам буддийского наставника.

Когда аналитик открывается странным образам из химеры бессознательного, его речь в интерпретации становится живой и наполненной аффектами. В этом случае формулировка интерпретации становится прямой, и производимый ею эффект удивления приводит к появлению новых, необычных связей между словами и проявляющимися аффектами (Green, 1973). Это способствует активизации у субъекта *более глубоких и творческих рефлексивных процессов в ИСС*,

нежели просто основанных на логическом взаимодействии. Речь идет о творческом движении мысли, свойственном психоаналитическому мышлению в целом.

Аналитические моменты, связанные с внезапным возникновением чувства удивления у субъекта или аналитика, трудно переоценить. Удивление — это верный признак того, что аналитический процесс дает субъекту возможность пережить внезапный новый смысл, новый опыт относительно собственной психической реальности. Быть способным удивляться — это значит быть в состоянии принимать неопределенность, сохраняя при этом способность к рефлексии. Мы не знаем, что произойдет, и открыты новому неизвестному переживанию в этом новом ИСС. Если субъект боится такого непредсказуемого будущего, он будет развивать защитные механизмы, которые, возможно, обеспечат ему «предсказуемое будущее», несмотря на всю его возможную непривлекательность. Вместо того чтобы оставить свое психическое пространство свободным, открытым для нового, в том числе и позитивного, опыта, такой субъект, твердо знающий, что будущее может быть негативным, трансформирует свою жизнь во что-то негативное. В этом случае он уверен, что не может произойти ничего, чтобы удивило его.

Трансформируя реальность в знакомые смыслы, не оставляющие никакого пространства для неопределенности, субъект старается защитить себя от ИСС. Вся его рефлексивная активность при этом направляется на защиту от новых переживаний, на сопротивление новым смыслам, в конечном счете на борьбу с самой рефлексией — *возможностью нового рефлексивного понимания* того, что с ним происходит. В аналитическом процессе одна из важнейших задач аналитика — помочь субъекту быть удивленным в ответ на даваемые ему интерпретации. Конечно, такое возможно в первую очередь при аллюзивных интерпретациях, изначально связанных с идеей удивления, которое сначала может возникать у аналитика в ответ на приходящие ему образы и затем передаваться субъекту. В любом случае необходимо время, чтобы дать возможность удивлению открыть дорогу творческим процессам в ИСС.

В результате психоаналитическая рефлексия и рефлексия субъекта оказываются перед неизведанным пространством, где связаны воедино язык, мысли и аффекты.

Французская психоаналитическая традиция «слушать то, что следует за речью» берет свое начало с работ Ж. Лакана, на которого повлияли лингвистические идеи Ф. де Соссюра. То, что следует за речью, — смысл, и аналитик, по мнению Ю. Кристевой (Kristeva, 1988), должен следовать за субъектом на уровне его речи, оставаясь открытым всем значениям, скрывающимся за ней. Это довольно трудный вид рефлексивного внимания, и аналитику необходимо более глубоко переживать ИСС субъекта, чтобы быть способным понимать смыслы

от его имени. Как Буве и М'Юзан, Кристева убеждена, что такая работа требует сформированности у аналитика умения регрессировать, следуя за регрессией субъекта и сохраняя при этом достаточное присутствие своего рефлексивного Я. Результатом может стать сжатая, лингвистически и аффективно насыщенная интерпретация, прямо входящая в контакт с бессознательным субъекта, сосредоточивающаяся на скрытых семантических аспектах психоаналитической коммуникации, на узловых точках, в которых бессознательные значения могут быть выражены с использованием метафоры или метонимии.

С точки зрения французских авторов, психоаналитический процесс — это всегда диалектическая связь между первичным и вторичным процессом; между ИСС и рефлексией в них; между иносказательными и трансферентными интерпретациями; между химерой ИСС и взаимодействием рефлексивного аналитического Я и наблюдающего Я; между деперсонализацией и интеграцией и в конечном счете между вневременностью бессознательного и ограниченным временем анализа.

В этом смысле психоаналитический процесс — это развитие отношений аналитика и субъекта на двух уровнях — уровне первичной идентификации (химеры ИСС) и на уровне вторичных процессов, связанных с рефлексивным аналитическим Сверх-Я, наблюдающим за сохранением границ аналитического сеттинга. Одновременно с этим одна из важнейших задач аналитика — не просто сохранять осознание этих двух уровней взаимоотношений с субъектом и наблюдать за их развитием, но и способствовать их диалектическому взаимодействию друг с другом сначала в своей психической реальности, затем постепенно в совместной химере ИСС и после этого все больше и больше в психической реальности субъекта. Иметь свободно парящее внимание в ИСС для аналитика не означает потерять способность к рефлексии и оказаться полностью затерянным в собственных спонтанных ассоциациях и в соответствующих им интерпретациях. Напротив, это единственный путь, ведущий к *глубокому рефлексивному переосмыслению в ИСС*.

Согласно А. Грину, психоанализ «определяется не столько самой регрессией, сколько процессом регрессии-прогрессии, движениями вперед и назад, вызванными сопротивлением субъекта. Этот процесс нужно поддерживать, чтобы помочь субъекту найти оптимальный для него ритм. Это подразумевает не только молчание со стороны аналитика (разрешающее молчание), но и прогрессирующий интерпретативный подход в отношении регрессии пациента» (Green, 1974, p. 416). По его мнению, цель анализа состоит в том, чтобы подготовить субъекта к самоанализу, к способности самому осуществлять рефлексивную аналитическую работу. «Пациент должен быть способен использовать аналитика и его интерпретации как объекты, которые помогут ему в достижении способности быть в одиночестве (без аналитика) — сначала в присутствии аналитика, а позднее и без него, как будто бы он потенци-

ально присутствует, в то время как фактически его нет. Таким образом, молчание может сначала восприниматься как пустое пространство, которое по мере продвижения анализа становится заполненным, — пространством, полным фантазийных объектов. Анализ заинтересован не в его разрушении, а в таком его преобразовании, чтобы это приносило пользу пациенту» (ibid, p. 416).

В соответствии со своей концепцией химеры М'Юзан предлагает рассматривать молчание аналитика как способ создания химеры ИСС. С его точки зрения, если аналитик много говорит, он будет говорить вдоль линии вторичного процесса и использовать соответствующие интерпретации, обращенные к логической рефлексии. Молчание становится необходимо для создания пространства ИСС, в котором могут рождаться аллюзивные интерпретации, способные приносить динамический эффект. С другой стороны, слишком много молчания может провоцировать чрезмерно сильную регрессию и деструктивные ИСС. Концепция молчания прямо связана с идеей об аналитике, который не слишком присутствует и не слишком отсутствует, его *рефлексивная активность* не слишком навязчива, но и не превращается в пассивность. Аналитик должен находить для каждого субъекта достаточно хорошую дистанцию между своим присутствием и отсутствием. Если он слишком отсутствует, он не сможет найти контакт с субъектом, который сам склонен к отсутствию. Если же аналитик чрезмерно присутствует, анализ может превратиться в арену для нарциссической борьбы между ним и так же слишком присутствующим субъектом.

В целом следует отметить приверженность французских авторов идее развития творческих возможностей человека, прямо связанных со способностью психически функционировать без вытеснения и расщепления, способностью принимать различные аспекты своей личности и (что, возможно, самое важное) самостоятельно поддерживать и продолжать внутренний рефлексивно-аналитический процесс уже после окончания работы с аналитиком, делая его тем самым для себя по-настоящему вневременным.

В заключение обратимся к словам К. Ясперса: душа «...означает сознание, но в той же мере (а с некоторых точек зрения — прежде всего) она означает бессознательное... Душа — это становление, развертывание и различение; в ней нет ничего окончательного и завершенного» (Ясперс, 1997, с. 34). Разворачивая эти связанные с пониманием души ассоциации в обратную сторону, мы можем почувствовать не прописанное здесь, но улавливаемое Ясперсом диалогическое движение души: от различения сознательного и бессознательного, через развертывание диалогического взаимодействия между ними к становлению более целостной личности, ищущей, обретающей и развивающей свою душу.

Мы переживаем и осуществляем нашу душу в ИСС, в которых сознание и бессознательное перестают быть непримиримыми противо-

положностями, а беспристрастность и сопереживание, рефлексивное Я и аффективные личностные содержания не противостоят, а взаимодействуют друг с другом.

Вместе с тем, говоря о возможном становлении целостной личности благодаря позитивному взаимодействию сознания и бессознательного, мы рискуем попасть в ловушку, описанную Ясперсом: «Наука должна всегда руководствоваться идеей объединяющей целостности, не соблазняясь надеждой на возможность непосредственного соприкосновения с этой целостностью. У всякого, кто испытывает иллюзии на этот счет, неизбежно развивается склонность к красивым фразам, а его горизонты стремительно сужаются из-за ложного представления, будто ему удалось полностью овладеть целостностью души и ее всеохватывающими силами» (там же, с. 58). Кроме того, «мы можем понять и исследовать только то, что воспринимается нами как объект. Душа как таковая не есть объект. Она объективируется благодаря тем своим проявлениям, которые делают ее доступной внешнему восприятию — то есть благодаря сопутствующим соматическим явлениям, осмысленным жестам, поведению, поступкам. Далее, она проявляет себя посредством речевой коммуникации. Она высказывается в словах и творит вещи. Все эти доступные восприятию явления суть результаты функционирования психической субстанции. На их основании мы если и не воспринимаем психическую субстанцию непосредственно, то по меньшей мере делаем вывод о ее существовании; но психическая субстанция или душа как таковая в итоге не становится объектом» (там же, с. 34).

Следуя К. Ясперсу, мы в наших исследованиях ИСС старались помнить о цели, но думать о процессе. Можно долго рассуждать об ИСС как о диалогическом взаимодействии сознательных и бессознательных психических содержаний, но для конкретного эмпирического исследования нам доступны лишь продукты этого взаимодействия — феномены ИСС, их символическая репрезентация. В психоанализе это феноменология ИСС, возникающих у субъекта в ходе психоаналитического процесса — *особым образом организованного процесса аналитической рефлексии ИСС.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Макдугалл Дж. Тысячеликий Эрос. СПб., 1999.
Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.

Bayle G. Les clivages // Revue Française de Psychanalyse. 1996. T. LX. N 3. P. 1315—1547.

Boschan P. Dependence and narcissistic resistances in the psychoanalytic process // Int. J. of Psychoanalysis. 1987. Vol. 68. P. 109—118.

Chervet B. De la chimère à l'interprétation // L'art du psychanalyste. Autour de l'œuvre de Michel de M'Uzan / Ed. by F. Duparc. Paris, 1998. P. 83—97.

Gray P. On helping analysands observe intra-psycho activity in psychoanalysis // The science of mental conflict. Essays in honor of Charles Brenner / Ed. by A. Richards, M. Willick. N.Y., 1986. P. 245—262.

Green A. Le discours vivant: la conception psychanalytique de l'affect. Paris, 1973.

Green A. Surface analysis, deep analysis. The role of the preconscious in psychoanalytical technique // Int. J. of Psychoanalysis. 1974. Vol. 1. P. 415—423.

Kristeva J. Entretien avec E. Hoffman Baruch // Woman analyzed woman / Ed. by L.J. Serrano. N.Y., 1988. P. 129—148.

Levy S.T., Inderbitzin L.B. The analytic surface and the theory of technique // J. of the American Psychoanalytic Association. 1990. Vol. 38. P. 371—391.

Loewald H.W. On the therapeutic action of psycho-analysis // The Int. J. of Psycho-Analysis. 1960. Vol. 41. P. 16—33.

McDougall J. Le contre-transfert et la communication primitive // McDougall J. Plaidoyer pour une certaine anormalité. Paris; Gallimard, 1978. P. 35—76.

M'Uzan M. de. La bouche de l'inconscient. Paris, 1994.

Treurniet N. What is psychoanalysis now // The Int. J. of Psycho-Analysis. 1993. Vol. 74. P. 873—891.

Urtubey de L. Du coté de chez l'analyste. Paris, 2002.

White R.S. Transformations of transference // Psychoanal. St. Child. 1992. Vol. 47. P. 329—348.

Поступила в редакцию
18.02.10

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» содержит публикации (в форме коротких сообщений, статей, обзоров и др.) по основным направлениям научно-исследовательской и учебно-методической работы ф-та психологии МГУ. Журнал открыт для публикации результатов научных исследований ученых МГУ, других научных учреждений и высших учебных заведений. Отбор поступивших в редколлегию работ для публикации в журнале осуществляется на основе их независимого анонимного научного рецензирования. Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

2. Материалы (текст и таблицы) принимаются в электронном виде в формате WORD или RTF, шрифт Times New Roman, 14/12, одинарный интервал, рисунки желательно в формате PDF. Общий объем рукописи, включая текст, список литературы, таблицы и рисунки, не должен превышать 30 тыс. знаков (с пробелами). Превышение объема может служить основанием для отказа в публикации.

Материалы для раздела «Научная хроника» объемом не более 10 тыс. знаков принимаются в течение трех месяцев после окончания соответствующего мероприятия.

Для соискателей ученой степени кандидата психологических наук объем рукописи должен быть не менее 10 тыс. знаков, доктора психологических наук — не менее 20 тыс. знаков.

3. Используемая литература (автор, название, место и год издания) приводится в алфавитном порядке в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после литературы на русском языке. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в круглых скобках) автора книги или статьи, года издания и, в случае прямого цитирования, страниц/ы.

Примеры оформления источников в списке литературы:

Для книги

Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.

Хомская Е.Д., Привалова Н.Н., Ениколопова Е.В. и др. Методы оценки межполушарной асимметрии и межполушарного взаимодействия. М., 1995.

Эксперимент и квазиэксперимент в психологии: Учеб. пособие / Под ред. Т.В. Корниловой. СПб., 2004.

Для статьи

Гордеева О.В. Развитие языка эмоций у детей // *Вопр. психол.* 1995. № 2. С. 137—149.

Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана // *Современная психология мотивации* / Под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2002. С. 103—121.

Theorell T. Job characteristics in a theoretical and practical health context // *Theories of organizational stress* / Ed. by C.L. Cooper. N.Y., 2000. P. 205—220.

Для сайта

Поддяков А.Н. Образ мира и вопросы сознательности учения: современный контекст // *Вопр. психол.* 2003. № 2. С. 10—20. URL: <http://www.courier.com.ru/vp/vp0203poddyakov.htm>.

4. К статье прилагаются (отдельным файлом) название статьи на английском языке, резюме объемом не более 100 слов на русском и английском языках, ключевые слова (не более 2 строк) на русском и английском языках. Сведения об авторах статьи: 1. Фамилия, имя, отчество; 2. Ученая степень, ученое звание; 3. Место работы; 4. Должность; 5. Контактный телефон; 6. E-mail.

Для студентов, аспирантов и соискателей степени кандидата психологических наук обязательным является развернутый отзыв научного руководителя (присылается вместе со статьей).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

Редакция знакомится с письмами читателей, но в переписку не вступает.

Плата за публикацию рукописей не взимается.